

Бринкли Дуглас. Введение

Сейчас уже странно представить его себе скрывающимся в таинственных каньонах Колорадо, как одинокий старатель из повести Б. Трейвена, подтянутый, крепкий, упрямый, одежда в легком артистическом беспорядке, да еще и с растрепанной, немодной бородой, — более тридцати лет Эдвард Эбби называл себя литературным сторожевым псом засушливых степей Американского Запада. Он написал восемь повестей, десятки путевых рассказов, сотни очерков и статей, — и все они были направлены в самое сердце промышленного монстра, о котором предупреждал еще президент Дуайт. Д. Эйзенхауэр в своем поразительно откровенном прощальном обращении к народу 17 января 1961 года. Эбби заимствовал свой девиз у Уолта Уитмена — «больше сопротивления, меньше покорности», — и ему доставляло огромное удовольствие, что абсолютно все, от ФБР до Сьерра Клуба, называли его «анархистом из пустыни». Одаренный язвительным чувством юмора, с сильной склонностью к шутке и розыгрышу, Эбби старательно культивировал свою постоянно меняющуюся роль упрямого задиры. В каком бы обличье он ни представлялся — речной ли крысы, образованного ученого, горячего парня с пистолетом, или самоотверженного эколога, — обличья, которые он легко менял по собственному желанию, — единственное, что было в них постоянным, это сопровождавший их сарказм. Но при всем том он всегда был дисциплинированным писателем, даже играя роль стойкого защитника живой природы, одержимого идеей прекратить разрушение Американского Запада. «Мы можем иметь дикую природу, не имея свободы, — часто говаривал Эбби. — Мы можем иметь дикую природу вообще без человеческой жизни в ней; однако мы не можем иметь свободы без дикой природы».

И это было его верой. В эпоху холодной войны ни один писатель не сделал больше для защиты природы Американского Запада от открытой добычи полезных ископаемых, скоростного лесоповала, строительства электростанций, от нефтяных компаний, бетонных плотин, взрывных работ, чем этот сардонический Эдвард Эбби. Кактусы Сагуаро были для него священны, а не вехи коммуникаций. С тех пор как он стал взрослым, вся его жизнь была посвящена прекращению «калифорнизации» штатов «Четырех углов», которые он считал своим домом — Аризоны, Колорадо, Нью-Мексико и Юты. В своей статье в газете «Вашингтон пост» писатель Ларри Макмэрти называл его «Торо Запада» — прозвище, которое до сих пор остается лучшей краткой характеристикой этого нетрадиционного, но последовательного в своем творчестве мастера различных литературных жанров. Эбби категорически отказывался признавать себя «певцом природы», как определяли его Джон Макпи или Анни Диллард, пусть даже дикая непокоренная природа и была его вечной музой; нет, он считал себя старомодным американским моралистом, независимым одиночкой, не считавшимся ни с кем в своем страстном стремлении разоблачать предательство, двуличие и алчность людей. Эбби утверждал, что «моральный долг» писателя — быть общественным критиком в своей стране, стать глашатаем правды и выступать от имени тех, кто безгласен. Такова была его позиция, и он неукоснительно следовал ей, особенно в своей памятной горестной иеремиаде, положившей начало

движению «экозащиты» и потрясшей основы как Большого Бизнеса, так и Большого Правительства — повести «Банда гаечного ключа», публикуемой нами как Вечная Классика в ознаменование двадцатипятилетия ее первого издания.

Эбби был рожден для выполнения той миссии, которую он позднее поставит перед собой, 29 января 1927 года в г. Хоум, Пенсильвания. Уже подростком он возненавидел хищническое разорение девственных горных лесов Аппалачей крупными лесопромышленными компаниями. Он рос в этих местах — охотился на белок, собирал коллекции камней, изучал растения с многообещающим рвением Вильяма Бертрама, — в местах, которые он называл «ущельями тайн и шаманства». Он воображал себя Натти Бампо, охотником Адирондака, или Джонни Эпплсидом, высаживающим семена в долине реки Огайо. Отец его, Пол Ривер Эбби, был бедным фермером, с трудом сводившим концы с концами; время от времени он работал на шахтах. Здесь он с глубоким уважением относился к радикальным лидерам профсоюзного движения «Индустриальные рабочие мира», широко известного под именем «Уобблиз», — таким как «Большой Билл» Хейвуд или Джо Хилл. Вообще, весь клан Эбби был насквозь пропитан американским фольклором в духе Даниэля Буна — глубокая любовь к своей земле и чрезмерное недоверие к Вашингтону. Молодой Эдвард унаследовал от своего отца грубоватую и резкую манеру относиться открыто и с вызовом к сильным мира сего: «Чувства без действий, — всегда говорил он, — разрушительны для души».

Летом 1944 года, семнадцатилетним мальчишкой, он покинул Пенсильванию и поехал искать Америку, воспетую в стихах Карла Сендберга и песнях Вуди Гертри. Он доехал автостопом до Сиэтла, дошел вдоль Тихоокеанского побережья до Сан-Франциско, добрался до Йосемитских лесов секвойи, затем проехал долиной реки Сан-Джоакин, добывая себе скудное пропитание сбором фруктов или работой на консервных заводах. Очарование его странствий, достойных книги путевых рассказов, его ничем не ограниченной хмельной свободы было нарушено лишь однажды, когда его арестовали за бродяжничество во Флегстафе, Аризона, и бросили в тюрьму как какого-нибудь пьяницу, каких в ней было уже немало. Это только пополнило запас его впечатлений и жизненного опыта, которые одобрил бы сам Джек Лондон.

Великолепие Американского Запада навсегда пленило молодого Эдварда Эбби. Он замирал в восхищении перед нежно-розовыми землями округа Навахо, простиравшимися перед ним на закате, у него захватывало дух при виде древних песчаниковых скал, блестящих, скользких каменных каньонов, креозотовых кущей, голодных пекари, убегających вприпрыжку койотов. Его восхищали и пыльные салуны, и русла пересохших рек, и мухоловки с пепельно-серыми горлышками, обыкновенные сарычи, затупленные наконечники стрел и все прочие чудеса, принимаемые прочими просто за бесплодные земли. И пустыня Сонора, и Долина Смерти казались ему одинаково прекрасными землями, где неумолимое багровое солнце делает кости павших животных ослепительно белыми. «В пустыне нет нехватки воды, — ее ровно столько, сколько нужно, — напишет Эбби позднее, — идеально точное соотношение воды и камня, воды и песка, обеспечивающее эти обширные, свободные, открытые, щедрые просторы для растений и животных, домов, поселков и городов, делающие Запад настолько отличным от любой другой части страны. Здесь нет недостатка в воде, если только вы не станете строить город там, где ему никак не следует быть». В этом покинутом, оголенном раю Эбби ощущал мир и покой. Когда он

увидел, как река Колорадо прокладывает свой древний путь неподалеку от Нидлз, Калифорния, неся свои живительные воды в самую сухую из пустынь, Эбби написал: «В первый раз я почувствовал, что приблизился к тому Западу, который рисовался мне в самом глубинном моем воображении, — к месту, где реально осязаемое и мифическое сливаются в одно».

Вскоре после этого исследователь каньонов был призван в действующую армию и провел последний год Второй мировой войны в Италии. По возвращении домой он направился прямо в землю обетованную, роль которой сыграл Университет Нью-Мексико, где он получил диплом бакалавра по философии в 1951 году и диплом магистра — в 1956. Вторая дипломная работа называлась «Анархия и моральные принципы насилия»; в ней он делал вывод, что анархизм вовсе не сводится к военной мощи, как во время большевистской революции, — нет, его назначением было оказывать сопротивление, по слову Льва Толстого, «организованному насилию государства».

Этот независимый бездельник, играющий на флейте, был популярен в университетских кругах, как древнегреческий циник Диоген, который, говорят, раздал все свое состояние, жил в бочке и просил милостыню. При этом он страстно осуждал всех, кто разрушал природу Запада: застройщиков, рвущихся к наживе, скотоводов, горнодобывающую промышленность с ее тяжелой техникой и открытыми разработками и само Федеральное бюро землеустройства. В ответ на это ФБР начало слежку за ним как за возможным коммунистическим активистом — продолжало ее в последующие тридцать семь лет, в конечном счете придя к выводу, что он особенно упорный индивидуалист и пацифист.

В 1954 году Эбби публикует свою первую повесть — «Джонатан Трой». Это рассказ о девятнадцатилетнем анархисте, от которого отворачиваются все, с кем он сталкивается, поскольку он постоянно рассказывает о том, что машины разрушают Америку. В последующие десять лет Эбби опубликовал еще шесть книг, в том числе «Отважного ковбоя» (1956) — историю бродяги, перерезающего изгороди из колючей проволоки в порядке ведения своей собственной войны с правительством США против его политики развития пастбищного скотоводства. В 1962 Кирк Дуглас по этой повести создал фильм «Мужество одиноких». В 1968 году вышло «Одиночество в пустыне» — размышления от первого лица, в которых Эбби отразил свой двухлетний опыт работы смотрителем Национального памятника природы в Арчесе, штат Юта. Газета «Нью-Йорк таймс» назвала эту повесть «страстно проникновенной, глубоко поэтической книгой». Собственно говоря, эти книги Эбби писал в период своей работы в Службе леса США и Службе национальных парков, длившийся более двух десятилетий. «Почти все эти годы я жил на грани официальной черты бедности... я долго забивал вешки геодезической разметки, пока наконец мне не пришло в голову, что их следует выдергивать».

Как Дон Кихот Сервантеса, боровшийся с ветряными мельницами, Эбби стал широко известен на Юго-Западе своими набегами на стройплощадки, осуждением скотоводства (он называл скотоводов «паразитами государственного социального обеспечения»), своей безоговорочной природоохранной позицией, жестко выраженной в его прозе, которая так шокировала его земляков. Ершистый «нарушитель спокойствия» Эбби, так отличавшийся от более традиционных и сговорчивых защитников природы — активистов расцветавшего в

начале 70-х годов природоохранного движения, тоже демонстрировал свои страшно противоречивые порывы протеста такими, к примеру, акциями: он с воем пронёсся по улицам Таксона в старинном красном Кадиллаке с откинутым верхом и пластмассовой геранью, украшающей капот, оглашая улицы оглушающими звуками музыки Моцарта, Брамса или Вейлона Дженнингса из радиоприемника. Целью его прозы, направленной против индустриального развития, так же как и всей его неукротимой позиции, не согласующейся ни с какими законами, было вызывать ярость против механистического мира, стать самым беспощадным защитником природы американского Запада со времен Джона Мюра.

Ветряной мельницей, которую Эбби жаждал разрушить более всех остальных, была плотина в Глен Каньоне, возведенная в 1962 году всего в шестидесяти милях к северу от Большого Каньона — гидротехническое чудовище весом в 792 тысячи тонн, стоившее американским налогоплательщикам 750 миллионов долларов. Этот бетонный колосс преградил естественное течение реки Колорадо, осквернив крутые обрывистые стены великолепного Глен Каньона, более величественного, считал Эбби, чем все соборы Европы. С ее сооружением навсегда ушли в прошлое прелестные рощи тополя трехгранного, густые заросли багряника, волчьи логова и орлиные гнезда, природные песчаниковые шпилы и древние археологические памятники. На их месте человек сотворил озеро Пауэрла — водохранилище с береговой линией длиной 1800 миль, которое Эбби окрестил нелестным именем «голубая смерть». Плотина Глен Каньона была, так сказать, «казенным пирогом» — мероприятием, проводимым правительством для повышения популярности. Ее назначением было обеспечить города Лос-Анжелес, Лас-Вегас и Феникс дешевой электроэнергией; на самом же деле она оказалась инженерным уродством, разрушившим всю огромную экосистему. Даже ее «крестный отец», консерватор Барри Голдуотер, в конце концов вынужден был признать, что ее строительство было чудовищной ошибкой.

Именно под влиянием гнева, вызванного сооружением плотины Глен Каньона, переполненный желчью Эбби в начале 1970-х годов начал писать свою «Банду гаечного ключа», соединив черный юмор, театральные трюки и меткие характеристики для создания художественного произведения, которому суждено было стать на долгие годы классическим предметом массового поклонения, общенациональным культом. Скопировав отдельные черты людей, которых он знал, Эбби создал портреты людей, составивших вдохновенную галерею «антигероев»: Джорджа Вашингтона Хейдьюка — бывшего врача Зеленых беретов во Вьетнаме, который любит бомбы, взрывы, потасовки и огромные открытые просторы почти так же сильно, как ненавидит тех, кто занимается их освоением и застройкой; Дока Сарвиса, богатого кардиолога из Альбукерка, чье хобби — поджигать рекламные щиты; Бонни Абцуг — чрезвычайно сексуальную, острую на язык, очень располагающую к себе изгнанницу Бронкса; Редкого Гостя Смита — мормона, проводника речных туристов и владельца ранчо, где он выращивает дыни с тремя своими вполне довольными жизнью женами. Эта странная компания людей, которых в старые добрые времена называли бы анархистами, занимается, по одобрителюму выражению газеты «Ньюс Уик», «экологическими выходками», чтобы не давать покоя энергетическим и лесоперерабатывающим компаниям. Их любимый герой — Нед Лудд, британский ткач начала девятнадцатого века, который подбивал своих земляков разбивать ткацкие станки, чтобы сохранить свои рабочие места, и которому Эбби посвятил свою повесть. Подобно ему, члены «банды гаечного ключа» превращаются в харизматическую группу заговорщиков,

«экологических правонарушителей», которые льют сироп Каро в карбюраторы бульдозеров, перерезают ограждения из колючей проволоки, пытаются взорвать состав вагонеток с углем с единственной целью: подготовиться к тому, чтобы с помощью динамита разнести в клочья плотину Глен Каньона. Их боевой клич — «Оставьте все как было!»

«Банда гаечного ключа» — это нечто гораздо большее, чем просто спорная книга: она революционна, анархична, мятежна, а если попадет не в те руки — то и опасна. Хотя Эбби утверждал, что это просто художественная литература — произведение, написанное, чтобы «развлекать и забавлять», однако его повесть мгновенно подхватили активисты природоохранного движения (далее — «экоактивисты», прим. пер.), раздосадованные слишком уж скромными действиями традиционных природоохранных групп, таких как Сьерра Клуб и общество Одубон. Для радикально мыслящих людей «плутовская повесть» Эбби стала призывом к действию с той страстностью, с какой Селдом Син Смит молился, коленопреклоненный, посреди плотины Глен Каньона: «Добрый старый Бог, мы оба знаем с тобою, как все было здесь прежде, пока эти выродки не явились и не порушили все это. Ты помнишь эту реку, какой полноводной, какой золотой была она в июне, когда огромный сток со Скалистых гор наполнял ее?.. Помнишь тот ручей, что тек по ущельям Бридж и Форбидден, — каким зеленым, и прозрачным, и прохладным он был?.. Помнишь гигантский водопад в Каньоне на Сороковой миле? Они и это затопили, почти все... И части Эскаланте тоже уже нет... Слушай, ты меня слушаешь? Есть кое-что, что ты, Боже, можешь для меня сделать. Как насчет небольшого старого доброго пре-цизи-онного землетрясения точненько вот под этой плотинкой?»

Критик Дон Роулингс, принижая достоинства и значимость этой книги, назвал ее сумасбродной историей «символической агрессии», но многим шокированным читателям она казалась безответственной моделью терроризма, подобно «Дневникам Теренера», супрематистской повести, которая, как предполагают, спровоцировала взрыв здания федеральной администрации Мюррей в Оклахома Сити. На вопрос, действительно ли он является сторонником взрыва плотины, Эбби ответил «нет», добавив, однако, что «если бы кто-нибудь другой захотел это сделать, я бы поддержал ему фонарик». Не замечая или не желая замечать его юмора, его клеветники игнорировали одну важную деталь: симпатичные шутники в его повести убивают только машины, — ни в коем случае не людей, в отличие от героев предшествующих литературных произведений, таких как «Апельсин с часовым механизмом» Энтони Бергесса и «Последний выход в Бруклин» Хьюберта Селби младшего.

Проницательный читатель видел в «Банде гаечного ключа» то, чем она была на самом деле: умный, остро сатирический, сочный вестерн, высмеивавший все — от одинокого рейнджера и Джона Вейна до женского движения. Никто не объявлял ее «литературным шедевром» — она таковым и не является — но, подобно «Хижине дяди Тома» Хэрриет Бичер Стоу или «Джунглям» Эптона Синклера, она была воодушевляющим призывом, она требовала «проснитесь!», — на этот раз от имени всего живого, находящегося под угрозой, от имени древних лесов секвойи. Эбби мечтал вернуться к тем временам, когда Американский Запад еще не был осквернен индустриальным развитием и опустошительным воздействием так называемого «прогресса». Он был убежден, что анархия — это просто демократия в действии, а экорейдеры в его книге — просто отважные американские патриоты подобно

тем, кто принимал участие в «Бостонском чаепитии» или боролся плечом к плечу с Этаном Алленом и его «Парнями с Зеленых гор». Следуя этой традиции, члены «банды гаечного ключа» считали оправданными любые действия, к которым им приходилось прибегнуть для защиты региона «Четырех Углов» от «кабинетных начальничков», у которых сердца упрятаны в банковский сейф, а глаза заморожено уставились в калькулятор». Это было гражданское неповиновение согласно возвышенной традиции Торо. В конце концов, разве не удивил он своих читателей, защищая применение насилия против дамбы в своей «Неделе рек Согласия и Мерримак» (1849): «Я, прежде всего, с тобою, и кто знает, не сможет ли лом оказаться полезным против плотины Биллерика».

Вскоре после публикации «Банда гаечного ключа» стала жить своей независимой жизнью. К началу 1980 годов многие активисты охраны природы из низовых массовых организаций почувствовали себя преданными крупными традиционными природоохранными организациями, такими как Сьерра Клуб, который, как оказалось, вел секретные переговоры о будущей плотине в Глен Каньоне за закрытыми дверями с представителями Бюро мелиорации США при президенте Кеннеди. А затем была заключена вполне конкретная сделка, согласно которой Бюро согласилось отменить планы строительства плотины в Национальном памятнике природы Динозавр в штатах Юта и Калифорния в обмен на данное Клубом разрешение на строительство плотины в Глен Каньоне. Новая, воинствующая группа эконоанархистов, назвавшая себя «Земля — прежде всего!», разочарованная в политических методах, сделала Эбби своим гуру, «Банду гаечного ключа» — своей библией, а кредо Джорджа Вашингтона Хейдьюка — «Видишь изыскательские вешки — вырывай!» — своим.

«Земля — прежде всего!» с самого начала своего существования начала раздражать и общество, и даже других активистов охраны природы. Вот каким образом группа заявила о своем существовании: ее основатели развернули вдоль лицевой грани плотины Глен Каньона узкую черную пластмассовую ленту длиной в сотню ярдов, которая должна была изображать глубокую трещину в теле плотины. Эта сцена была в точности взята с первых страниц «Банды гаечного ключа». Это был безвредный трюк в духе самодеятельного театра, но правительство США предпочло истолковать его как опасную акцию новой группы экотеррористов, подчеркнув водоворот противоречий: правые политики сразу же осудили действия «Земли — прежде всего!», в то время как левые хихикали над ее шутовским фиглярством. Заголовок одного из номеров «Лос-Анжелес таймс» за 1991 год обобщил двойственное восприятие группы: «Террористы или спасители?»

Многие аплодировали смелым выходкам этой группы, от блокирования дорог в Неваде, по которым двигались бульдозеры, сидения на деревьях, обреченных под топор лесоруба в Калифорнии, до закапывания соли на земляных взлетных полосах в Айдахо, с тем, чтобы олени или лоси затем выкапывали ее. На фоне их арестов в Вайоминге, заключения в тюрьму в Монтане, избиения в Орегоне члены Сьерра Клуба выглядели, как Юношеская лига по сравнению с настоящими спортсменами. Прообразом изменчивого, неуловимого Хейдьюка послужил приятель Эбби Даг Пикок, который после службы во Вьетнаме предпочел жить с медведями гризли в Йеллоустоунском Национальном парке. Хейдьюк стал олицетворением «Земли — прежде всего!», — бесстрашный эко-Давид, мечущий камни из своей пращи в механистического Голиафа. Дэвид Формен — один из основателей «Земли — прежде всего!», помогавший разворачивать поддельную трещину вдоль грани плотины Глен

Каньона, — написал учебник по экосаботажу в духе Эбби для начинающих под названием «Эко-защита: полевое руководство».

Как и следовало ожидать, ФБР постоянно держало под наблюдением этих современных луддитов, проникая в их группу, собирая магнитофонные записи разговоров между членами группы — их общая продолжительность составила 1200 часов, — и арестовывая многих из них за «шипование» деревьев, разрывы линий электропередач или поломку бульдозеров. Эбби никогда не был членом «Земли — прежде всего!», поскольку не хотел нести ответственность за ее широкомасштабный вандализм. Однако он гордился этим новым поколением участников «банды гаечного ключа», дружил с некоторыми из лидеров «Земли — прежде всего!», по просьбе которых он иногда делал свой краткий, но мудрый взнос в газету, издаваемую группой. «Радуйтесь жизни, — поучал он своих читателей в одном из таких опусов. — Держите свои мозги в голове, а голова пусть крепко сидит на плечах, основательно прикрепленная к телу, телу активному и живому, — и я обещаю вам одну сладкую победу над вашими врагами».

За двадцать пять лет, прошедших после ее первой публикации, было продано более 700 тысяч экземпляров «Банды гаечного ключа», несмотря на то, что Эбби, — он умер в 1989 году, — вызывал раздражение у читателей «Нью-Йоркера» и «Пари Ревю». Он называл чтимого ими Тома Вулфа «фашистским хлыщом и гомиком», а канонизированного Джона Апдайка «занудным поставщиком дешевых провинциальных мыльных опер», но при всем том в число его наиболее упорных почитателей входили такие известные писатели как Джоан Дайдион, Венделл Берри, Томас Пинчон, Кормак Маккарти, Питер Маттисен, Хантер С. Томпсон, Ларри Макмэрти и Томас Макгвейн. Покойный Уоллес Стегнер заявлял, что Эбби «обладал жалом скорпиона», и что он был «наиболее активным выразителем странного желания Запада издеваться над самим собою со времен Бернарда ДеВото».

Американский Юго-Запад дал стране и других славных писателей — вспомним хотя бы таких, как Мэри Остин, Оливер Лафаржа или Барбара Кингсолвер, — но ни один из них не возбуждал воображение читателей до такой степени, как Эдвард Эбби. В своей двадцатой и последней книге — «Хейдьюк жив!», посмертном продолжении «Банды гаечного ключа», Эбби сказал свое последнее слово: «Каждый, кто принимает эту книгу всерьез, будет расстрелян. Каждый, кто не принимает ее всерьез, будет погребен заживо бульдозером «Мицубиси»».

В своей книге «Эпитафия пустынному анархисту: жизнь и наследство Эдварда Эбби» журналист Джеймс Бишоп младший вспоминает письмо, написанное когда-то Оскаром Уайлдом Вильяму Батлеру Йитсу. В этом письме он, в частности, говорил, что «завидует тем мужчинам, которые стали легендарными при жизни». «Банда гаечного ключа» превратила Эбби из тонкого летописца каньонов штата Юта во вполне зрелую, популярную личность, литературный эквивалент «Зеленого» Джесса Джеймса. Даже смерть его окружена тайной, и в радикальных природоохранных кругах многие верят, что он до сих пор жив. Повсюду на Западе — на досках объявлений палаточных городков, на стенах туалетных комнат — можно видеть фразу «Эбби жив!»

Я предсказываю, что в будущем популярность и «Банды гаечного ключа», и легенды о самом Эдварде Эбби будут расти. Она будет возрастать вместе с ростом численности активистов природоохранного движения, и по мере того, как автомобилистроители Детройта будут осуществлять «Чистую революцию», заменив двигатель внутреннего сгорания водородными элементами, а правительство США снесет сооружения типа плотины в Глен Каньоне, которые вообще не следовало строить. Так же, как и «Безмолвная весна» Рейчел Карсон, знаменитую повесть Эбби будут всегда читать и почитать, благодаря ее пророческому призыву охранять природу, брошенному во времена гипериндустриализации. Однако сам Эбби считал «Банду гаечного ключа» более созвучной со «Здравым смыслом» Тома Пейна. Она была написана для тех, кто будет читать ее в пропыленных тавернах, в отдаленных хижинах, в туристских маршрутах и шумных фабриках. Эбби никогда не интересовало, считают ли его книгу произведением искусства «Нью-Йорк Таймс» или Альфред Кейзин — она была написана, чтобы потрясать души, — и даже его самые беспощадные критики не могут не признать, что, по крайней мере в этом отношении, «Банда гаечного ключа» имела сногшибательный успех.

Дуглас Бринкли — директор Центра американских исследований и профессор истории в Университете Нового Орлеана.

Версия #2

Зверобой создал 22 апреля 2025 03:51:37

Зверобой обновил 22 апреля 2025 03:55:00